

АНЕТА ПАВЛИЧ

2001 год. В гостях у Элия Белютина и Нины Молевой (на снимке слева) посол Латвии в России Имант Даудиш с супругой

лось позже, на имя некоего С. Буденкевича). И предложил сделку — он выводит их коллекцию на Запад, продает и рассчитывается из расчета 50 на 50. Или продает им свою разломанную квартиру за 120 тысяч долларов — потолка-то у них теперь считай что нет.

Тому господину они предложили обратиться. Но как теперь здесь жить? Им опять взялся помочь Краснов: в августе 93-го он написал о бедственном положении коллекции председателю Верховного совета Хасбулатову. От его письмо переслали мэру Москвы.

ВИЗИТ

Потом в столице была пальба, и Юрий Лужков появился в их квартире только в ноябре. Вместо обещанных 40 минут он провел здесь три часа, осмотрел каждую картину. Нина Михайловна рассказала ему о желании своем и мужа превратить квартиру в частный музей, наподобие тех, что существовали до революции, сделать его бесплатным и открыть для всех, а впоследствии завещать городу.

А вскоре после этого разговора в их квартиру (хозяйка опять оказалась дома одна) пришли три московских чиновника: начальник государственно-правового управления мэрии Донцов, председатель комитета по культуре Бугаев и один из его замов.

ЧИНОВНИКИ ТРЕБУЮТ ДОЛЮ?

Они выложили перед хозяйкой проект договора об их с мужем совместной деятельности с правительством Москвы, после выполнения которого и должен был появиться на свет желанный музей.

Текст этого документа Нину Молеву глубоко поразил: «Из него следова-

ло, что все наше имущество подлежит немедленной описи и мы больше не имеем права ничего с ним делать. И что музей будет организован только после того, как мы напишем завещание в пользу Москвы». Но больше всего Нину Михайловну потрясло другое. «После надлежащего исполнения сторонами своих обязанностей, — говорилось в бумаге, — музей становится **совместной собственностью** граждан Белютина и Молевой и **правительства Москвы**» (выделено ред.). Она не поверила своим глазам. Неужели им предлагают подарить свою коллекцию чиновникам?

Надо сказать, что столичных чиновников Нина Молева знает давно и даже успешно борется за спасение от них московских памятников. Поэтому она сказала гостям, что у нее слабые очки, а сильные — в другой комнате, и ушла вглубь квартиры, прихватив с собой бумагу, где ее и спрятала.

Г-н Донцов не ожидал такого поворота сюжета:

— А я слышал, что вы интеллигентная женщина. Значит, не согласны? Тогда верните документ.

— Не верну.

— Вы обязаны его вернуть.

— Не обязана.

Ситуация, по словам Нины Михайловны, была неудобной, но чиновники ушли ни с чем.

А коллекционеры остались — под грозищими обвалиться в любой момент потолками (в коридоре, ванной и туалете они обрушились очень скоро) и мучившим их вопросом: может быть, градоначальник не понял, что они хотели открыть в Москве первый частный художественный музей с коллекцией мирового уровня? С разделом истории семьи, собранной и хранив-

шей коллекцию почти полтора века. Что сами готовы составить экспозицию. Что музей будет подарком Москве и перейдет городу целиком после их смерти — по завещанию.

Может быть, все извратили чиновники, готовившие ту проклятую бумагу? Спросить об этом самого мэра не удалось — Юрий Лужков с тех пор ни разу не согласился принять их для личного разговора.

ШАНТАЖ

Между тем, чтобы спасти их квартиру, необходим проект восстановления единовременно сразу двух квартир

вались начать районным прокурором уголовные дела о порче их квартиры? Или почему на коммунальных счетах хитрой квартиры, которые регулярно находили соседи, и в 1996-м, и в 1999-м ее владельцем все еще значился Буденкевич? Чем же тогда торговали московские чиновники — чужим добром?

ЗАВЕЩАНИЕ

Если верхнюю квартиру коллекционерам не продают, то почему не сдать им ее в аренду на 5 — 10 лет? «Тогда мы за свой счет проведем ремонт и откроем музей, — объясняет Нина Молева. — Мы просто хотим, чтобы люди это

Элий Белютин и Нина Молева хотят открыть свою коллекцию (и квартиру) для всех

— их и до сих пор раскуроченной верхней. Такой ремонт очень дорог, но пострадавшие давно предлагают сделать его за свой счет. Понятно, что заниматься этим с «чужой территории» было бы просто нереально. Приобрести разрушенную квартиру они предлагали чиновникам еще в 95-м году. (Тем более что те уверяли: город ее у неведомого г-на Буденкевича выкупил.)

И чиновники после долгих переговоров пошли им навстречу. В мае 1996-го семья получила официальную бумагу из департамента муниципального жилья. В ней сообщалось, что вопрос о продаже квартиры рассмотрен на заседании правительства Москвы. Принято решение «о продаже вам вышеуказанной квартиры по цене 246 437 049 рублей при условии **постановки коллекции на государственный учет и подписания договора дарения произведений искусства г. Москве**» (выделено ред.).

— Вот вы, журналист, объясните мне, как при продаже жилья можно ставить такие условия? — спрашивает Нина Молева.

Невозможно объяснить не только это. Почему, например, трижды закры-

видели. И ничего не требуем от содержания. С кем мы только об этом не говорили. В ответ — молчание».

Девять лет обладатели бесценной коллекции живут без ванной. В туалете и коридоре пришлось устроить низкие деревянные потолки. За ними, говорит хозяйка квартиры, виден верхний этаж.

— Вы бы согласились жить в таких условиях? — спрашивает Нина Михайловна.

— И завещать коллекцию городу, в котором тебя принуждают так жить? — заканчиваю ее риторический вопрос.

Она отвечает устало: «Я все время думаю о тех, кто стоит за нами, кто уже ушел. Они говорили, что все это для людей. И мы больше всего боимся, что коллекция разойдется по рукам «новых русских». У мужа есть долг перед его предками, у меня — перед моими. Но если не будет музея, не будет и никакого завещания Москве. Подарим свою коллекцию России. А если нас окончательно загонят в угол — родственникам. Это не кому-то назло. Просто нет смысла».

Наталья ДАВЫДОВА
Фото Кирилла КАЛЛИНИКОВА
и Екатерины ШТУКИНОЙ